

ШВЕЙЦАРСКИЙ ПРИЗ ДОЛЖЕН БЫТЬ СИМВОЛОМ НЕЙТРАЛИТЕТА РАЙМОН ЛОРЕТАН, GRAND PRIX D'HORLOGERIE DE GENEVE

— Первую «Золотую стрелку» Раймона Лоретана жюри конкурса отдало Паскалю Раффи и Bovet

я швейцарец и люблю часы.
но с тех пор как я возглавил grand prix,
я их больше не ношу

Раймон Лоретан стал президентом Grand Prix в прошлом году, сменив на этом посту Карло Лампрехта. Как и его предшественник, он профессиональный политик, но, может быть, главное достоинство нового президента — его огромный дипломатический опыт. Раймон Лоретан был генеральным консулом Швейцарии в Нью-Йорке и послом в Сингапуре и Брунее.

— Как вы согласились взвалить на себя эту ношу? Со времени появления в 2001 году Grand Prix d'Horlogerie de Geneve был занят тем, что примирял между собой амбиции часовых гениев. Это очень нелегко.

— Для меня это никакое не ярмо, а привилегия и счастье — я работаю с людьми, которых люблю и уважаю. И скорее я волновался о том, достоин ли я такого высокого и ответственного поста. Но меня убедили, сказали: ты дипломат, бывший посол Швейцарии, ты со всеми сможешь договориться.

— Вы же не только кадровый дипломат, вы, судя по вашему послужному списку, еще и военный. Вы уверены в том, что для продвижения часов нужна дипломатия и армия?

— Война, как известно, слишком серьезная штука, чтобы оставить ее на попечение военных! Дипломатия же — способ мышления, и здесь я вижу некоторые параллели. Нужны большие усилия, чтобы решение стало общим, чтобы в возможном споре все были победителями, а не проигравшими. И, конечно, Grand Prix d'Horlogerie de Geneve — инструмент продвижения часовой индустрии, тут очень важен интернациональный момент.

— Но ведь для того, чтобы убеждать иностранцев, надо прежде всего договориться между собой, это тоже непросто, как свидетельствует история Grand Prix.

— Конечно, хотелось бы, чтобы марки лучше понимали, что у них есть общие интересы. Но ведь это как раз задача Grand Prix.

— Одной из главных проблем конкурса было убедить участвовать марки, которые либо боятся проиграть, либо считают, что любое соревнование ниже их достоинства. Как с этим справиться?

— Думаю, надо чуть изменить Grand Prix, чтобы все видели: участие в нем выгодно всем и продвигает все марки без исключения.

— Если вернуться к дипломатии, мне иногда кажется, что Мексике и Гренландии проще найти общий язык, чем Женеве и Бьенну.

— Вы немного драматизируете. Не каждый год должны участвовать все марки. У кого-то именно сейчас есть

выигрышный продукт, другой ожидает результата на следующий год. Разработка часов — долгий процесс. У каждой компании есть свои стратегии и идеи.

— Вы говорили о том, что хотите сделать Grand Prix полноценным часовым «Оскаром», но ведь «Оскар» — приз для американцев, «для бедных» есть всего лишь номинация «Лучший фильм на иностранном языке».

— Grand Prix, кстати, открыт для иностранцев. Зато у «Оскаров» другая система номинаций и отбора. Надо подумать, не стоит ли поменять нашу. Может, не ждать от марок, чтобы они сами выдвигали свои часы? Может, стоит иметь жюри, которое бы выбирало, какие часы будут участвовать. Может, организовать часовую академию наподобие кинематографической, и пусть академики выберут часы, а потом уже жюри определит победителей. Над этим надо думать. На последнем этапе, когда меньше выбора, можно добиться диалога с марками. Конечно, кто-то может и обидеться, но для всех мил не будешь.

— А какие часы носите вы?

— Я швейцарец и люблю часы. Но с тех пор как я возглавил Grand Prix, я их больше не ношу.

— То есть на четыре-пять лет, которые обычно работает председатель конкурса, вы лишили себя удовольствия носить часы?

— Я думаю, что это часть моей работы. Швейцарский Grand Prix должен быть символом нейтралитета, а не конфликта, вкусовщины или фаворитизма. Это мой выбор. Ношу же я часы не на запястье, а в собственном сердце, и с помощью Grand Prix несу их в мир. Это тоже часть моей работы — быть послом конкурса.

— Какие перемены произошли в Grand Prix с вашим появлением?

— У нас два новых приза — Challenge и Audacity. Challenge, например, это номинация для еще более доступных часов, чем те, которые входят в категорию Petite Aiguille, где теперь расположились модели от 4 тыс. до 10 тыс. франков. Мы провезли участников конкурса по нескольким городам — были в Венеции, Вене, Сингапуре, Гонконге. Выставка в Женеве проходила в нашем главном художественном музее.

— В Москве эта выставка была только однажды и не в самом удачном для публики месте — швейцарском посольстве.

— Я бы хотел посетить Москву с нашей выставкой. Мы были бы счастливы встретиться с российскими любителями часов. Конечно, мы рады их видеть и в Женеве, но я бы мечтал найти настоящего партнера в России, с которым мы могли бы это организовать и которому мы могли бы сказать «большое спасибо».

Беседовали Алексей Тарханов и Урс Дюмаре